

Ничто о ничем, или отчет г. издателю "Телескопа" за последнее полугодие (1835) русской литературы

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах. Т. I
Статьи и рецензии. 1834-1841
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Под общей редакцией Ф. М. Головешченко
Редакция С. П. Бычкова
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>

I

Вы обязали меня сделать легкий и короткий обзор хода нашей литературы, во время вашего пребывания за границей, и привели меня тем в крайнее затруднение. Разве вам не известно, что *ничто не ново под луною*? Каких же хотите вы новостей от русской литературы, и в такой короткий период ее существования? "Тем лучше для вас, тем меньше вам труда", скажете вы. Нет, вы неправы: труда от этого мне не только не меньше, но предстоит истинно геркулесовский подвиг: я должен написать статью, а из чего я вам напишу ее, о чем буду повествовать вам в ней? *О ничем?*.. Итак, надо сделать *что-нибудь* из *ничего*? - Помните ли вы, как один из знаменитейших наших писателей, из первостатейных гениев, уgomонил насмерть свою литературную славу тем, что вздумал писать о *ничем*, и весь выплился в *ничто*?.. {149} Конечно, я не пользуюсь литературного славою и, следовательно, не подвергаюсь опасности посадить ее на мель рокового *ничто*; но у меня другой страх, и очень основательный. Если я не пользуюсь ни тению той лучезарной славы, которою сиял некогда помянутый великий писатель, то вместе не имею и искры его гения, который нашелся, хотя и в конечной погибели своей репутации, высказаться в *ничем* на нескольких страницах. Притом же, хотя я, в отсутствие ваше, волею или неволею, играл роль сторожа на нашем Парнасе, окликаая всех проходящих и отдавая им, своею алебардою, честь по их званию и достоинству, хотя неумоимо и неусыпно стоял на своем посту; однакож многое ускользнуло от моей бдительности. Бывало, нахлынет целая толпа - и тут некогда было расспрашивать каждого порознь; стукнешь алебардою по всем и пропустишь. А теперь неужели мне надо делать поголовную переключку, бегать по всем закоулкам и собирать народ православной? Нет - отрекаюсь от этого труда; и так было много хлопот и, может быть, много шуму из пустяков! - Да и притом возможное ли это дело? Много ли из тех, которые промчались мимо моей сторожки, остались теперь в живых?.. Итак, я скажу вам только разве о тех лицах, которые особенно врезались в моей памяти, буду повествовать только о тех событиях и случаях, которые особенно поражали мое внимание. Мой обзор будет отрывчат, беспорядочен и несвязен, как всякий рассказ наскоро о предмете многосложном, разнообразном и ничтожном.

Итак, я *обозреваю*, становлюсь *обозревателем*! - *Обозревать, обозреватель* - вы помните, как громко звенели некогда эти два словца в нашей литературе? - Кто не обозревал тогда? Где не было обозрений? Какой журнал, какой альманах не имел своего штатного обозревателя? - И это была должность нетрудная, легкая, казенная; за нее брался всякой, не запасаясь дорогим лорнетом учености, даже иногда вовсе без очков грамматики и здравого смысла! - Отчего ж теперь так мало пишется обозрений? Куда девались все эти обозреватели? - Я прошу у вас позволения заняться предварительно разрешением этого любопытного вопроса, хотя по крайней мере для того, чтоб наполнить мою статью объяснением причин, почему она не может быть *ничто*?

Обозрения всякого рода бывают результатом или сознания силы, или сомнения в ней. Кто часто пересчитывает свои деньги, поверяет счета и подводит итоги, тот или богатеет день от дня, или беднеет; само собою разумеется, что в первом случае он хочет удостовериться в улучшении своего состояния и определить степень этого улучшения, а во втором случае хочет измерить глубину своего падения, хочет взглянуть в бездну, отверстую перед ним, как бы с намерением приучить себя заранее к ее ужасному виду